

у нас под Азовым потреслася и погнулась, и из реки у нас из Дону вода на береги выступила... на луги пошла“, „знамена яко тучи страшные“ покрыли людей, а было их так много, „что травы на поле или песку на море“. Образность этих описаний, вероятно, уже вошла в постоянное обращение, и, не связывая ее с определенным литературным и устно-поэтическим применением, автор нашей повести ввел ее как отвечающую его цели — создать яркие, вызывающие у читателя сочувствие к защитникам Азова картины их тяжелой боевой жизни.

Конечно, к деталям этих картин можно подобрать и фольклорные параллели: например, изнеможение казаков, перенесших уже многочисленные приступы, бесценно сражавшихся у стен Азова, повесть выражает теми же словами, какими иногда и в песне описывается истомленный в бою герой: „и уста наша кровию запеклись, не пиваючи и не едаючи“ (ср. в былинах: Илья Муромец объясняет князю Владимиру, почему привезенный им Соловей Разбойник не может засыпать: „теперь у него уста запечатаны, запеклись уста кровью горячею“; богатырь „бьется, дерется целой день, не пиваючи, ни едаючи“). Однако нельзя согласиться с А. Н. Робинсоном, который, приведя эти две фольклорные параллели к повести, делает вывод, что „этот образ (в повести, — В. А.-П.) явился в результате соединения двух былинных формул“.¹ В данном случае, конечно, каждый из сказителей, как и автор повести, передал бытовой эпизод бытовой же речью: это соединение понятий „не пить — не есть“ для определения крайней степени голода обычно и в живом языке: „не пивши — не евши“, равно как и без и отрицания „пить — есть“. Следовательно, искать для этого выражения повести фольклорных образцов нет надобности: казаки действительно изнемогали от голода, и пересохшие от жажды уста действительно „запеклись“ у них кровью.

Таким образом не следует преувеличивать фольклорности стиля Поэтической повести об Азове. Ее образность в большинстве случаев представляет прямое отражение выразительной живой речи той среды, какая выдвинула автора повести. С помощью этой выразительной речи достигалась характерная для повести реалистичность изображения. Количество „эпических приемов“ в повести, как мы видели, весьма ограничено: автор воспроизвел лишь те из наиболее популярных символов-метафор, которые помогли ему оттенить насмешливо-презрительное отношение к врагам (враги-гости, ироническое предложение служить им „сабельки вострыми“), усилить впечатление ужаса от кровопролитных боев и передать любовное отношение к природе донских степей. Выбранные автором поэтические средства фольклора не нарушили его стремления к реалистичности повествования, но помогли придать рассказу необходимую по замыслу эмоциональную окраску — ироническую, патетическую или грустно-лирическую.

И в этом соединении реалистического рассказа о действительно бывшем с оценкой автором изображаемых событий, в отказе от поэтического стиля старого эпоса, автор сошелся с исторической песней казаков, развивавшейся в XVI—XVII веках в том же направлении, в каком росла и общерусская историческая песня.

Историческая повесть об азовском взятии 1637 года ставила своей целью возможно более точную передачу хода военных событий. Поэтическая повесть об азовском осадном сидении 1642 года стремилась

¹ А. Н. Робинсон. Из наблюдений над стилем Поэтической повести об Азове, стр. 59.